

Как вижу, мыслишь ты, что
сам я восхотел,

Из властолюбия державной
власти бремя

Взвалить на горб себе? —

спрашивает Грозный в сцене с чер-
нецом своего безжалостного проку-
рора.

Нет, он не стал бы нести эту
ношу, «как верблюд», если бы это-
го не потребовала великая истори-
ческая необходимость.

Верблюда-то господь.

Вишь, пожалел, да сотворил
двугорбым,

Меня же за грехи оставил
так, как есть, —

горько иронизирует Грозный.

В поисках формы сценического
воплощения пьесы мы стремились

избегать от свойств и особен-
ностей драматургического материа-
ла.

Основная сцена трагедии — сце-
на с чернецом, в которой чернец от
лица грядущих поколений произно-
сит свою страстную обвинительную
речь.

Ужели поколения

Забудут все, что мной

совершено? —

спрашивает в этой сцене Грозный.

Тогда и суд веков

Не властен надо мной, как
немошный и жалкий! —

воскликает он, заранее отвергая об-
винительный приговор, как неспра-
ведливый и ложный.

Суд веков — в этом смысл
и значение этой центральной сце-
ны, а вместе с ней и всей пьесы.
Этот суд должен произойти в зри-

2-е действие,
4-ая картина:
«У Федора»

Борис Годунов,
Иван Грозный
и
Василий Шуйский

тельном зале театра, но Грозному нечего бояться: его ждет единодушный оправдательный приговор.

Весьма существенно отметить, что у героев нашей трагедии почти отсутствует то, что называется личной жизнью; вернее сказать — общественно-политические интересы и политические страсти настолько захватили их, что именно они и сделались личной жизнью каждого из них. Таковы свойства и особенности пьесы, такова ее атмосфера.

Отсюда сами собой рождаются и требования к актерам, и определенные элементы сценической формы.

Основные задачи, которые мы поставили перед актерами, участниками спектакля, — это, во-первых: мыслить на сцене; во-вторых — точно, ясно и отчетливо выражать каждую мысль, и в-третьих — внутренне загораться от мысли, превращая таким образом мысль в чувство. Темперамент мысли — так в двух словах можно определить сущность наших требований.

Далее: нам кажется, было бы неправильно постановочно решать спектакль, как историко-бытовой. Бытовые подробности здесь не имеют никакого значения. Мы не отказались, однако, от внешнего оформления спектакля. Но мы стремились подчинить это оформление не задаче иллюзорно-бытовой характеристики эпохи, а «сверх-задаче» спектакля, — стремлению вызвать в зрительном зале чувство гордости за свою страну.

Нам казалось, что этому, помимо раскрытия высоко патристического содержания самой пьесы, может содействовать, в качестве дополнительного средства, также показ того подлинно прекрасного, что было заключено в древне-русском искусстве — в архитектуре, в живописи, в орнаментике того времени, в одеждах и т. п. Именно этим принципом руководился в своей работе художник спектакля академик В. А. Фаворский.

Мы решили не считаться с портальной аркой сцены, в которую

2-ое действие,
5-ая картина:
«Покои царицы»

Мария Нагая
и
Кирилловна